

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ 1920–1930-Х ГГ.:
К ПРОБЛЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ
ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ**

© 2009 А.Е. Загребин

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, г. Ижевск

Поступила в редакцию 04.05.2009

Освещается проблема поиска и введения в научный оборот новых источников по истории и культуре финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья. Перспективной точкой роста в сложившейся археографической ситуации определяется информативная база этнографических текстов 1920–1930-х гг. Рассматриваются некоторые возможности интерпретации выявленных источниковых материалов. Ключевые слова: этнография, источниковая база, экспедиционные тексты, финно-угорские народы.

Поиск и введение в научный оборот новых источников – одна из важнейших задач исторической науки в целом и этнографии в частности.

Особенностью корпуса сведений по истории и культуре финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья (марийцев, мордвы, коми, коми-пермяков и удмуртов) является то, что на сегодняшний день значительную часть источниковой базы составляют материалы, вошедшие в научный оборот во второй половине XIX – начале XX в., когда во многом сложился свод знаний о народной жизни, который ныне принято ассоциировать с традиционной культурой.

Вполне оправданное многократное обращение исследователей к опубликованным источникам этого периода, тем не менее, ведет к их исчерпанию, требуя появления новых данных, еще не ставших в силу частого цитирования “хрестоматийными”. В этом отношении значительный интерес представляют этнографические описания, анкетные сводки и экспедиционные тетради, по разным причинам не ставшие достоянием научной печати и, как следствие, не раскрывшие своей интерпретативной способности. В истории отечественной этнографической науки есть период, в ходе которого были собраны ценные описания постепенно уходящего в прошлое быта народов России и среди них финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья. Смена методологической парадигмы и идеологическая корректировка научного продукта, имевшая место в ранней советской этнографии, привела к тому, что немало перспективных работ было положено “под сукно”, либо не были изданы из-за того, что их авторы подверглись репрессиям¹. Забытые тексты 1920–1930-х гг. долго оставались вне поля зрения историографии, что актуа-

лизирует задачу по их выявлению, археографической обработке и публикации.

Первые десятилетия советской власти – период активизации научной работы среди финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья, вместе с другими народами СССР включившихся в эксперимент по ускоренной социально-экономической модернизации². Финно-угорская проблематика стала в те годы частью исследовательских инициатив, исходящих от местных научных обществ и центральных научных учреждений, заинтересованных в получении информации о функционировании этнической традиции и степени проникновения инноваций. Рост интереса к этнографии российских финно-угров не мог не остаться незамеченным научными кругами Финляндии, Венгрии и Эстонии, оказывавших всемерное содействие изучению культур родственных народов. В результате был собран значительный полевой материал, немалая часть которого отложилась в отечественных и зарубежных архивохранилищах.

Обычно проблемами этнической истории и культуры занимаются специалисты разных отраслей знания, в раннем советском научном разделении труда приоритет был закреплен за этнографами, которые отвечали за эмпирические исследования и за их теоретическое обоснование. Советская этнография рассматривалась властью в качестве одной из наук с особыми политическими задачами, решаемыми в духе марксистско-ленинской идеологии³. Отечественные этнографы 1920–1930-х гг. являлись участниками культурной революции у так называемых “отсталых” народов⁴. Ввиду наметившейся тогда кооперации между наукой и политикой финно-угорские этнографические исследования в Советской России вынуждены были искать баланс между позитивистскими практиками, отражающими сложную мозаичную картину народной жизни, и полити-

Загребин Алексей Егорович, кандидат исторических наук, директор. E-mail: adm@ni.udm.ru

чески ангажированными текстами официальных отчетов. Этнографам, придерживавшимся основных постулатов теории развития, не могла не импонировать роль наблюдателя эволюции народов, лишь в малой степени затронутых влиянием буржуазии. Власти хотели руководить процессом осовременивания этносов, в этих условиях этнографы должны были принять революционные темпы культурных изменений в изучаемых обществах, переключая внимание с народных традиций на классы (даже там, где их не было)⁵. Вместе с тем, значительный прирост эмпирических знаний просто не позволял полностью облечь их в жестко структурированную оболочку официально одобренных выводов и умозаключений. Опираясь на опыт дореволюционных финно-угорских исследований, молодые советские народоведы смогли сохранить, пожалуй, главную отличительную черту “старой школы” – умение сочетать романтическую мотивацию с прагматизмом в достижении релевантного результата. Истоки данного явления, наверное, можно искать в тех материнских субстанциях, где формировалось научное мировоззрение первых представителей советского финно-угроведения⁶. С одной стороны, это были университетско-академические и музейные центры, с другой – столичные и провинциальные добровольные научные общества. Стремление к интеллектуальному общению, учительству и ученичеству, незримо связывавшее досоветское этнографическое сообщество, наряду с энтузиазмом приобрело в пореволюционные годы тенденцию к индивидуализации научного труда, чему способствовал теоретико-методологический плюрализм. Но довольно скоро возможности для разночтений источников стали пресекаться. Первые осложнения возникли уже в 1929 г., когда в ГАИМК состоялось совещание этнографов Москвы и Ленинграда, широко известное радикальными выступлениями учеников Н.Я. Марра⁷. Последовавший затем разгром этнологии и краеведения много способствовал тому, что не укладывавшиеся в установленные рамки исследования замалчивались, либо изымались. Трагические судьбы первых советских финно-угроведов и драматические истории их текстов оставляют обширное поле для деятельности современных исследователей.

Короткая волна признания коснулась молодой советской интеллигенции, с головой окунувшейся в стихию революционной учебы и строительства. Развернувшееся в начале 1920-х гг. широкое краеведческое движение вылилось в организацию ряда местных научных обществ (Удмуртское научное общество “Бцляк”, Научное общество по изучению Вотского края, Марийское краеведческое общество, Общество изучения

Коми края и др.), которые объединились в деле исследования истории и культуры Урало-Поволжья с ранее созданными и заслужившими высокий авторитет Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете и базировавшимся в Екатеринбурге Уральским обществом любителей естествознания⁸. В Вятке в эти же годы начал работать Вятский научно-исследовательский институт краеведения, чьи сотрудники подготовили немало исследовательских программ и анкет, нацеленных на сбор информации о прошлом и современном быте народов региона⁹. Таким образом, стал формироваться фонд новых этнографических знаний, призванный расширить дореволюционную источниковую базу по традиционной культуре финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья.

Инициатива местных научных организаций по изучению народов региона нашла поддержку и со стороны ряда центральных научных учреждений и институтов. Так, в течение двух первых советских десятилетий на территории Волго-Уральского региона работали экспедиции Центрального музея народоведения, Института народов Востока, Института истории материальной культуры и др., возглавляемые известными учеными, среди которых выделяются имена Н.Я. Марра, Д.К. Зеленина, Н.М. Маторина, М.Г. Худякова, М.Т. Маркелова, В.П. Налимова и К.П. Герда¹⁰. Ученые из московских и ленинградских научных центров, опираясь на помощь своих аспирантов и местных “просвещенцев”, выполняли не только сугубо научную миссию, но и способствовали укреплению этничности во вновь образованных восточно-финских автономиях. Совместными усилиями был собран богатый этнографический и фольклорный материал, лишь частично введенный в научный оборот в силу наметившейся на рубеже 1920–1930-х гг. тенденции к свертыванию краеведческого движения, гонений на этнографию и начавших набирать обороты репрессивных действий по отношению к организаторам научных исследований¹¹. Результатом этого стало не только закрытие большинства научных краеведческих обществ и свертывание работы в регионе экспедиций центральных учреждений, но и гибель многих ученых, научное наследие которых было либо утрачено, либо надолго скрыто в архивохранилищах.

Отличительной чертой финно-угорских этнографических исследований на территории Среднего Поволжья и Приуралья в рассматриваемый период было то, что они опирались на устойчивую исследовательскую традицию, основания которой следует искать в экспедиционных инициативах финских, венгерских и, несколько позже, эстонских ученых. В первые годы XX в.

хорошая идея была подана руководством Финно-Угорского общества, предложившим организовать специальные краткосрочные курсы для обучения местных помощников-корреспондентов навыкам самостоятельной исследовательской работы¹². Очевидно, логика этого замысла была такова: корреспонденту как местному жителю легче было получить достоверные и основательные сведения, ему как “своему” человеку больше доверяют и могут рассказать то, что никогда не поведают “чужому”. Однако последовавшие вскоре военные события и социальные потрясения позволили лишь немногим стипендиатам пройти научную стажировку в Финляндии¹³. Границы были закрыты, даже легальная переписка была поставлена под жесткий контроль, что не могло не сказаться на социальном престиже финно-угорской этнографии.

Во многих чертах показательной для поколения “местных помощников” была судьба одного из основоположников марийской этнографии Т.Е. Евсевьева (1887–1941). Родившись в небогатой крестьянской семье, он с успехом окончил начальную церковно-приходскую школу, а затем двухклассное училище, что давало право на работу народным учителем. Летом 1906 г. он стал экспедиционным переводчиком и проводником путешествовавшей по марийскому краю финляндской ученой четы Вихманн¹⁴. Отметив его прилежание к собирательской фольклорно-этнографической работе, профессор Ю. Вихманн предложил молодому учителю самостоятельно записывать произведения марийской народной поэзии и присылать их в Финно-Угорское общество. Год спустя в Казани он был представлен возвращавшемуся из пермской экспедиции У.Т. Сирелиусу, который предложил Евсевьеву собирать в его родной Моркинской волости этнографический материал¹⁵. Впервые столкнувшись с ситуацией, когда культура его народа оказалась интересна ученым людям, Евсевьев принялся собирать сведения по интересовавшей финского этнографа тематике¹⁶.

Зимой 1908 г. Т.Е. Евсевьев приехал в Гельсингфорс, чтобы пройти краткий курс методики этнографической работы под руководством доцента У.Т. Сирелиуса¹⁷. В 1910 г. сельский учитель отправился в экспедицию к марийцам Бирского уезда Уфимской губернии с маститым финским этнографом А.О. Хейкелем, и в том же году он помогал в поездке по Бирскому уезду молодому финскому этнографу А. Хямяляйнenu. Вплоть до начала Первой мировой войны Т.Е. Евсевьев регулярно присылал своим наставникам этнографические описания, фольклорно-лингвистические материалы и фотоснимки, сделанные им уже в ходе самостоятельных экспедиций, получая за

них денежное вознаграждение. В 1914 г. Финно-Угорское общество вновь предложило ему приехать в Финляндию, предлагая “...профинансировать дорогу господина Евсевьева в Хельсинки и заплатить сто марок на содержание, если он согласится быть интервьюером”¹⁸. Но начавшаяся война прервала сотрудничество.

В пореволюционные годы Т.Е. Евсевьев не только продолжил свои исследования, но и стал одним из организаторов Марийского научного общества краеведения и создателем марийского областного краеведческого музея¹⁹. Почти сразу он постарался восстановить свои связи с Финно-Угорским обществом, стремясь использовать наработки финляндских ученых в организации музейного дела²⁰. В 1924 г. Финно-Угорское общество поддержало проект его экспедиции к восточным марийцам, надеясь на получение данных об этой малоизученной группе. Однако время активных контактов постепенно уходило в прошлое²¹. Последняя посылка от марийского этнографа в Финляндию пришла в 1929 г., а уже в 1931 г. он был арестован по обвинению в причастности к националистической организации²². Затем была ссылка и новый арест осенью 1937 г. по печально известному делу “СОФИН”, закончившийся смертным приговором этнографу. Но имя марийского ученого не было предано забвению, а его многочисленные этнографические материалы не осели без движения в архивах. Благодаря кропотливой работе современных финских ученых “материалы Евсевьева” были опубликованы Финно-Угорским обществом²³.

Еще одним ярким представителем нарождавшейся на рубеже XIX–XX вв. финно-угорской интеллигенции, избравшим этнографию в качестве своего основного занятия, был коми, ученый В.П. Налимов (1879–1939). Родившись в крестьянской семье Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии, он с малых лет стремился к знаниям, последовательно окончив начальную и городскую школы, а в 1894–1897 гг. учился в фельдшерской школе в Москве. Следующие пять лет Налимов провел в родном крае, занимаясь не только лечением земляков, но и изучением традиционной культуры коми. В 1903 г. В.П. Налимов приезжает в Москву и спустя два года сдает экзамены за гимназический курс, открывшие ему дорогу в университет. Находясь в Москве, он начинает сотрудничать с ведущими московскими этнографами – Вс.Ф. Миллером, Д.Н. Анучиным и В.В. Богдановым, тогда же в журнале “Этнографическое обозрение” были опубликованы его первые статьи по традиционной культуре коми²⁴. Публикации В.П. Налимова заинтересовали финских ученых, и в 1907 г. находившийся в Москве доцент Гельсингфорского

университета В.И. Мансикка предложил ему сотрудничать с Финно-Угорским обществом в деле изучения пермских народов.

Наиболее тесные контакты у В.П. Налимова завязались с ищущим надежного помощника для осуществления экспедиции к пермским народам (коми, коми-пермякам и удмуртам) У.Т. Сирелиусом. Пермская экспедиция лета 1907 г. станет важным событием для научного мировоззрения, методического и фактологического обеспечения будущих исследований как учителя, так и ученика²⁵. В отличие от экспедиционных целей Сирелиуса, интересовавшегося прежде всего проблемами материальной культуры финно-угорских народов, В.П. Налимов предполагал изучать различные явления в духовной жизни коми-общества. В преддверии пермской экспедиции 1907 г. он писал: “Я буду продолжать исследование религиозного мировоззрения зырян и пермяков, преимущественно изучая географическое распределение верований, стараясь таким образом определить, что составляет древние верования, а что носит характер позднейших заимствований”²⁶. В 1908 г. правление Финно-Угорского общества приглашает В.П. Налимова в Гельсингфорс на стажировку по финскому языку и этнографии и публикует его статью о “первоначальных отношениях полов у зырян”²⁷. По возвращении в Россию, в том же году Налимов сопровождает финского археолога и музееведа А.М. Тальгрена в поездке по Волго-Камскому региону, проводя этнографические исследования среди иньвенских коми-пермяков²⁸. В 1910 г. он завершает работу над рукописью “Материалы по этнографии зырян и пермяков”, вобравших в себя не только обильные полевые записки автора²⁹. В своих этнографических исследованиях В.П. Налимов всегда придерживался правила рассматривать традиционную культуру жизнеобеспечения этноса в неразрывной связи с его духовной жизнью. В одной из своих лекций, прочитанных в начале 1920-х гг., он отмечал, что при изучении материальной культуры человечества ее элементы нельзя рассматривать как нечто постороннее, внешнее человеку. Они суть части его организма, его духовного “Я”, вылившиеся в вещественных доказательствах³⁰. Продолжая сотрудничество с Финно-Угорским обществом, Налимов присылает на его адрес многочисленные заметки по этнографии пермских народов, невольно закладывая основы “Налимовской коллекции” архива Общества³¹.

Окончив в 1912 г. университет по специальности “антропология и география”, В.П. Налимов не оставляет надежды на продолжение научной карьеры. С 1918 по 1921 г. он профессор Нижегородского университета, а в следующем, 1922 г., этнограф перебирается в Москву. С этого момента бе-

рет начало десятилетие широкого признания Налимова как ученого, способного не только на описательные штудии, но и на теоретические построения³². Не случайно он одновременно работает в МГУ-2, Медико-педологическом институте, Тимирязевском НИИ, НИИ народов Востока, Географическом НИИ при МГУ. В.П. Налимов выезжает в этнографические экспедиции к коми и удмуртам, часто выступает в печати, становится одним из лидеров краеведческого движения³³. Кроме того, профессор старался поддерживать “финно-угорские начинания” более молодых коллег – студентов и аспирантов³⁴. Но проблемы возникли в начале 1930-х гг., когда прежние международные научные связи были признаны порочными. В 1933–1935 гг. В.П. Налимов отбывал ссылку как “буржуазный националист”, к этому обвинению вскоре добавится подозрение в шпионаже в пользу Финляндии³⁵. Краткое возвращение на свободу завершилось новым арестом по делу “СОФИН” и гибелью в сыктывкарской тюрьме³⁶.

Таким образом, можно отметить, что длительный процесс формирования финно-угорских этнографических исследований в России на рубеже XIX–XX вв. достиг той стадии, когда ценности народной культуры и значимость ее научного изучения была осознана самими российскими финно-уграми, когда из среды вчерашних просвещаемых выделились собственные просветители, для которых этнография родного края стала тем средством, с помощью которого можно было заявить о себе научному миру.

К настоящему времени в фондах научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, научного архива Коми НИЦ УрО РАН и архива Мордовского объединенного краеведческого музея выявлены следующие работы, заслуживающие публикации: В.П. Налимов “Отчет этнографической экспедиции к удмуртам в 1925 г.”; М.Т. Маркелов “Полевая тетрадь этнографической экспедиции в Удмуртию в 1931 г.”; рукопись М.Т. Маркелова “Этнографическое изучение удмуртов к десятилетию Вотской автономной области” (1930 г.); рукопись М.Г. Худякова “Очерк экономической истории Среднего Поволжья” (1929 г.); переписка Д.К. Зеленина с В.П. Налимовым, хранящаяся в ПФА РАН, выявлены анкеты ЦСУ РСФСР о землепользовании в Волго-Вятском регионе (на материалах марийских, коми-пермяцких и удмуртских населенных пунктов), хранящиеся в Государственном архиве Кировской области. Выявлены документальные свидетельства о межнациональных отношениях марийских и русских крестьян в Марийской автономной области в 1920–1921 гг., хранящиеся в Государственном архиве Республики Марий Эл.

Опубликован сборник документов “Революция для всех: Анкеты Вятского научно-исследовательского института краеведения “Влияние революции на быт нацмен” (1924–1927 гг.)”, в котором представлены материалы Вятского научно-исследовательского института краеведения об изменениях в социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни нерусского крестьянства Урало-Поволжского региона в первой четверти XX в.³⁷

В перспективе предусматривается проведение работ по археографической обработке этнографических описаний, сохранившихся в виде неопубликованных текстов участников экспедиций центральных исследовательских учреждений и корреспонденций местных научных обществ. Одной из приоритетных задач является подготовка к публикации материалов, собранных репрессированными исследователями. Параллельно будет решаться задача по составлению сводного каталога рукописей, содержащих сведения по истории и культуре финно-угорских народов исследуемого региона первых десятилетий советской власти. Думается, что реализация данного проекта существенно обогатит источниковую базу финно-угорских исследований.

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Историко-культурное наследие и духовные ценности России”. Направление 8. Музейные и архивные фонды: изучение, введение в научный оборот, обеспечение нового качества доступа к культурному наследию. Проект: Новые источники по истории и культуре финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ¹ См. подробнее: Репрессированные этнографы: М., 1999. Вып. 1; Вып. 2. М., 2003; *Knight N.* “Salvage Biography” and Useable Pasts: Russian Ethnographers Confront the Legacy of Terror // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History.* 2002. Vol. 1. № 2. P. 365–375.
- ² См., например: *Калинин И.К.* Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000.
- ³ *Соловей Т.Д.* “Коренной перелом” в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х годов) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С.101–121; *Лекомцев И.М.* Социалистическое строительство среди народов Поволжья // Советская этнография. 1937. № 2–3. С. 3–14.
- ⁴ *Мейрс В. ван.* Советская этнография: охотники или собиратели? // *Ab Imperio.* 2001. № 3. С.18–20.
- ⁵ *Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. 1931. № 1–2. С. 33–34; *Ямушкин В.* Классовая борьба и кенеш в современной удмуртской деревне // Советская этнография. 1932. № 5–6. С. 87–111.
- ⁶ См. подробнее: *Понте Н.Н.* Этнографическое изучение

- финноугорских народов в СССР // Финно-угорский сборник. Труды КИПС. Вып. 15. Л., 1928. С. 27–76.
- ⁷ *Слэзкин Ю.* Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 116–117.
- ⁸ *Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Кузнецова Т.Л.* Их объединило краеведение. Сыктывкар, 2004; *Зорина Л.И.* Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала. Екатеринбург, 1996; *Куликов К.И.* Первое удмуртское научное общество “Бцляк” (Соседство) и археологические исследования в Удмуртии в период его деятельности // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 4–13; *Стрельцов Ф.* Научное общество по изучению Вотского края (Отчетный очерк за первые два года существования общества – с 28 февраля 1925 г. по 28 февраля 1927 г.) // Труды НОИВК. 1927. Вып. 3. С.121–137.
- ⁹ *Загребин А.Е., Иванов А.А.* Анкеты 1920-х гг.: из документального наследия Вятского института краеведения // Отечественные архивы. 2008. № 4. С. 76–83.
- ¹⁰ *Март Н.Я.* Приволжские и соседние с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий // Известия Академии наук СССР. 1925. № 16–17. С. 673–698; *Гришкина М.В., Кузьминых С.В.* Михаил Георгиевич Худяков как историк (вместо предисловия) // Худяков М.Г. История Камско-Вятского края. Ижевск, 2008; *Решетов А.М.* Дмитрий Константинович Зеленин: классик русской этнографии // Выдающиеся этнологи и антропологи XX века. М., 2004. С. 137–183; *Решетов А.М.* Николай Михайлович Маторин (опыт портрета ученого в контексте времени) // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 132–155; *Куликов К.И., Мокшин Н.Ф.* Вклад М.Т. Маркелова в изучение финно-угорских народов // Финно-угроведение. 1995. № 2. С. 93–110; *Ермаков Ф.К.* Кузубай Герд. Ижевск, 1996.
- ¹¹ См., например: За большевистскую партийность в краеведении. М., 1931; За марксизм в советском краеведении. М.: Л., 1931.
- ¹² В этнографическом журнале Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии отмечалось: “Еще одна интересная идея, касающаяся этнографии, возникла среди финских ученых: устроить курсы по этнографии для учителей-инородцев, которые, получив соответствующие этнографические познания на этих курсах, могли бы работать по этнографии каждый среди своей народности. Так, предполагалось пригласить учителей-пермяков, вотяков, зырян, черемисов и других”. Цит. по: Этнографическое обозрение. 1907. № 4. С. 154.
- ¹³ В 1907 г. вице-президент Финно-Угорского общества профессор Х. Паасонен предложил организовать специальные курсы для обучения “местных помощников” из числа представителей финно-угорских народов России. Хотя постоянно действующих курсов создать не удалось, на краткосрочной стажировке в Гельсингфорсе побывали марийцы Т.Е. Евсевьев, Г.Г. Кармазин и коми В.П. Налимов. См.: *Suomalais-ugrilaisen Seuran vuosikertomus 1906-1907 // Journal de la Société Finno-Ougrienne.* 1908. Vol. 25. S. 6.
- ¹⁴ *Matkamuistiinpanoja. Yrjö ja Julie Wichmannin kirjeitä päiväkirjamerkintöjä tutkimusmatkoilta 1891–1906 // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.* 1987. Vol. 195. S. 135–144; Дневниковые записи Юлии Вихманн (7.10.1905–29.12.1906) // Финно-угроведение. 1996. № 3. С. 117–153.
- ¹⁵ *Compte-rendu des travaux de la Société Finno-Ougrienne, du 2/XII 1906 – 2/XII 1907 // Journal de la Société Finno-Ougrienne.* 1908. Vol. 25. P. 60–61.

- ¹⁶ Большое влияние на мировоззрение марийского священника и просветителя Ф.Е. Егорова оказала совместная работа с финским ученым-религиоведом У. (Хольмберг-ом-) Харва. В 1931 г., будучи одним из обвиняемых по “делу федералистов”, Егоров писал: “Он (Хольмберг) внушил мне необходимость изучать свой народ”. Цит. по: *Сануков К.Н.* Историк-просветитель Федор Егоров // Марийский археографический вестник. 1997. № 7. С. 88–89.
- ¹⁷ *Никитина Н.Н.* Новые страницы из жизни Т.Е. Евсевьева // Финно-угроведение. 2002. № 2. С. 67.
- ¹⁸ Цит. по: *Лехтинен И.* Хранитель национальной культуры // Тимофей Евсевьев: этнографические коллекции. Йошкар-Ола, 2002. С. 16.
- ¹⁹ *Сенеев Г.А.* Деятельность Т.Е. Евсевьева по этнографическому изучению марийского народа // Краевед Евсевьев: материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения. Йошкар-Ола, 1988. С. 11–21.
- ²⁰ В 1926 г. директор Марийского областного музея Т.Е. Евсевьев вновь посетил Хельсинки для изучения музейного дела в Национальном музее Финляндии. Встречи с давно знакомыми финляндскими учеными (У.Т. Сирелиусом, Ю. Вихманном, А. Хямяляйненом и др.), знакомство с финно-угорскими коллекциями музея (собранными не без его участия) оставили глубокий след в памяти марийского этнографа и одновременно послужили основанием для предстоящих преследований. См.: *Сануков К.Н.* Тимофей Евсевьев: трагические страницы биографии // Марийский археографический вестник. 1995. № 5. С. 79–87.
- ²¹ Неоднократные попытки А. Хямяляйнена, А.М. Тальгрена и других финских и венгерских финно-угроведов организовать в 1920-е гг. экспедиции к родственным народам России наталкивались на нежелание советских властей содействовать научной работе иностранцев. В лучшем случае им позволялось приезжать в Москву и Петроград, где можно было встретить студентов и аспирантов из числа российских финно-угров. Сложившееся положение препятствовало нормальному развитию финно-угорских этнографических исследований, что негативно сказывалось на престиже данного научного направления, усугубившегося вскоре репрессивными мерами. См., например: *Пальвадре М.Ю.* Буржуазная финская этнография и политика финляндского фашизма // Советская этнография. 1931. № 1–2. С. 39–43.
- ²² В 1931 г. группа марийской интеллигенции (включая Т.Е. Евсевьева) была арестована и осуждена по обвинению в антисоветской деятельности и сотрудничестве с финской разведкой. Одним из доказательств было приведено то, что “вопрос имеет дореволюционную историю. Он имеет в основе распространенную идею о родстве финно-угорских племен... С 1906 по 1914 гг. среди мари побывали Хямяляйнен, Сирелиус, Вихманн, Рясянен, Паасонен и другие и установили связи с Васильевым, Евсевьевым, Кармазинным и др.”. Цит. по: *Сануков К.Н.* Из истории финско-марийских научных связей // Финские ученые о языке и культуре марийского народа. Йошкар-Ола, 2002. С. 11.
- ²³ *Timofej Jevsevjevs Folklore-Sammlungen aus dem Tscheremissishen. I. Märchen, Sagen und Volkserzählungen / Hrsg. von A. Alhoniemi und S. Saarinen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1983. Vol. 184; Timofej Jevsevjevs Folklore-Sammlungen aus dem Tscheremissishen. II. Vorzeichen, Traumdeutung, Sprichwörter, Spottverse und Rätsel / Hrsg. von S. Saarinen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1989. Vol. 199; Timofej Jevsevjevs Folklore-Sammlungen aus dem Tscheremissishen. III. Gebete und*
- Zaubersprüche / Hrsg. von S. Saarinen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1992. Vol. 211; Timofej Jevsevjevs Folklore-Sammlungen aus dem Tscheremissishen. VI. Lieder / Hrsg. von S. Saarinen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. – 1994. – Vol. 212; Timofej Jevsevjevs Ethnographische Sammlungen über die Tscheremissen / Hrsg. von Ildikó Lehtinen // Travaux ethnographiques de la Société Finno-Ougrienne. 1985. Vol. 12. №1; Timofej Jevsevjev, Tš eremissen rakennukset – Cheremis Buildings / Ed. by Ildikó Lehtinen // Travaux ethnographiques de la Société Finno-Ougrienne. 2002. Vol. 12. №2.*
- ²⁴ *Налимов В.П.* Зырянская легенда о паве Шыпице // Этнографическое обозрение. 1903. Т. 57. №. 2. С. 120–124; Его же. Некоторые черты из языческого мирозерцания зырян // Этнографическое обозрение. 1903. Т. 57. №. 2. С. 76–86; Его же. Мор и икота у зырян // Этнографическое обозрение. 1903. Т. 57. №. 3. С. 157–158. В 1907 г. молодому ученому была присуждена Большая серебряная медаль ИОЛЕАЭ “во внимание к его ценным работам по антропологии и этнографии зырян и в благодарность за доставленные Обществу лично собранные научные материалы о зырянах”. См.: Этнографическое обозрение. 1908. № 1–2. С. 228.
- ²⁵ *Загребин А.Е., Шаранов В.Э.* К истории “Пермской экспедиции” У.Т. Сирелиуса // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 110–117.
- ²⁶ Цит. по: *Семенов В.А., Терюков А.И., Шаранов В.Э.* История этнографического изучения традиционной культуры коми. Сыктывкар, 2006. С. 87.
- ²⁷ *Nalimov V.* Zur Frage nach den ursprünglichen Beziehungen der Geschlechter bei den Syrjänen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1908. Vol. 25. S. 1–31.
- ²⁸ По оценке Г.Н. Чагина, коми-пермяцкое собрание В.П. Налимова в архиве ФУО насчитывает около 1200 листов и содержит материалы по магическим обрядам, народным знаниям и религиозно-мифологическим представлениям иньвенских коми-пермяков. См.: *Чагин Г.Н.* В.П. Налимов – исследователь иньвенских коми-пермяков // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар, 2007. С. 82–102.
- ²⁹ В 1910 г. ИОЛЕАЭ отметило рукописный труд В.П. Налимова премией имени Великого князя Сергея Александровича. См.: Отзыв А.Н. Максимова о “Материалах по этнографии зырян и пермяков В.П. Налимова” // Этнографическое обозрение. 1910. № 4. С. 263–268.
- ³⁰ *Семенов В.А., Терюков А.И., Шаранов В.Э.* История этнографического изучения традиционной культуры коми. С. 88.
- ³¹ По оценке А.И. Терюкова, “налимовская коллекция” в архиве Финно-Угорского общества состоит из 4 тетрадей и 1 тетради машинописи, всего 312 страниц. Большая часть материалов содержит сведения о морально-этических представлениях коми-зырян, женской и охотничьей магии, способах лечения “сглаза” и “порчи”, обрядам жизненного цикла. Кроме того, в коллекции есть два письма секретарю Общества К.Ф. Карьялайнену с кратким отчетом о проделанной в 1908 г. экспедиционной работе и два вопросника, по которым он собирал информацию в поле. См.: Терюков А.И. Рукописные материалы В.П. Налимова по коми-зырянам в Архиве Финно-Угорского общества Финляндии // Электронная энциклопедия “Налимовские чтения” (CD). Сыктывкар, 2005.
- ³² В 1926 г. по результатам этнографической экспедиции по Вотской автономной области В.П. Налимов подготовил рукопись монографии “К познанию удмуртов”, в которой высказал ряд нетривиальных мыслей по теории этнографической науки. Однако уже готовая к

печати книга была изъята из типографии по требованию местных партийных органов, по причине “недостаточной проработки темы классовой борьбы в удмуртской деревне”. См.: *Загребин А.Е.* В.П. Налимов в Удмуртии: К истории одного незавершенного научного проекта // Электронная энциклопедия “Налимовские чтения” (CD). Сыктывкар, 2005.

³³ В.П. Налимов выступал против узкоспециальной трактовки предмета краеведения как сугубо прикладной дисциплины, отмечая, что местный материал позволяет делать широкие научные выводы общего характера. См.: Речь тов. В.П. Налимова // Краеведение и школа. Вологда, 1926. С. 64-65.

³⁴ В начале 1920-х гг., уже работая в Москве, В.П. Налимов близко сошелся с находящимися на учебе в столице удмуртами, организовавшими по инициативе поэта и этнографа К. Герда научно-просветительское общество “Бцляк”. На заседаниях общества профессор Налимов выступал с докладами: “Роль малых народов на фоне общечеловеческой культуры”, “Материальная культура угро-финских народов” и “Общественная жизнь вотяков”. В 1923 г. В.П. Налимов принимал участие в создании “Общества по изучению Вотского края”. См.: *Куликов К.И.* Дело “СОФИН”. Ижевск, 1997. С. 260.

³⁵ В период следствия по делу “СОФИН” подвергаемые жестоким истязаниям ученые порой вынуждены были клеветать на себя и других. В качестве примера можно привести некоторые показания на профессора В.П. Налимова:

- В.П. Налимов – буржуазный националист. Еще до революции он вынашивал идею о единстве языка и культуры коми-пермяков и коми-зырян. Выступал на страницах печатного органа контрреволюционного

“Общества изучения Коми края”, журнала “Коми му” со статьями, отражающими буржуазно-националистические взгляды;

- В.П. Налимов мне известен как идеолог буржуазного национализма в Коми, как контрреволюционный агитатор за независимое Коми-государство от Урала до Прибалтики;

- Налимов также говорил, что раз ставится вопрос о самоопределении коми народа, то необходимо изучать его материальную и духовную культуру, для чего необходимо создать при каком-нибудь университете кафедру по изучению финно-угорских народов;

- В.П. Налимов проводил на протяжении долгих лет контрреволюционную деятельность, направленную на свержение советской власти и создание буржуазной Республики Коми. С присоединением к ней территорий других угро-финских национальностей. Ориентируясь на Финляндию, Налимов еще до Октябрьской революции связывается с реакционными финскими учеными Сирелиусом и Тальгреном. Он сам в течение двух лет находился в Финляндии. Цит. по: *Несанелис Д.А., Семенов В.А.* Профессор Василий Налимов – “финский шпион” // Родники Пармы. Сыктывкар, 1996. Вып. 4. С. 194–201.

³⁶ *Терюков А.И.* Дело “СОФИН” и советско-финляндские отношения в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб., 1997. С. 223–231.

³⁷ Революция для всех. Анкеты Вятского научно-исследовательского института краеведения “Влияние революции на быт нацмен” (1924–1927 гг.) / Сост., науч. ред., введ. и коммент.: *А.Е. Загребина и А.А. Иванова.* Ижевск–Йошкар-Ола: УИИЯЛ УрО РАН, МарГУ, 2008.

ETHNOGRAPHIC MATERIALS OF 1920S – 1930S: ON THE PROBLEM OF SOURCES ON HISTORY AND CULTURE OF THE FINNO-UGRIAN PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA AND PRE-URALS REGION

© 2009 А.Е. Zagrebin

Udmurt Institute for History, Language and Literature,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk

The article is devoted to the problem of searching and publishing of new sources on history and culture of the Finno-Ugrian peoples of the Middle Volga and Pre-Urals region (Mordva, Mari, Udmurts, Komi and Komi-Permyaks). The author presents a new and perspective for present-day historiography research base of ethnographical texts (1920s–1930s): fieldwork materials, diaries, letters and photographs. Some possibilities of their interpretation are shown. The article is prepared under the fundamental research program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences “Historical and Cultural Heritage and Spiritual Values of Russia”. Project “New sources on history and culture of the Finno-Ugrian peoples of the Middle Volga and Pre-Urals region”.

Key words: ethnography, source base, fieldwork texts, Finno-Ugrian peoples.